

А. Ю. Епатко

«АВТОГРАФ» ПЕТРА I В ЖИГУЛЕВСКИХ ГОРАХ

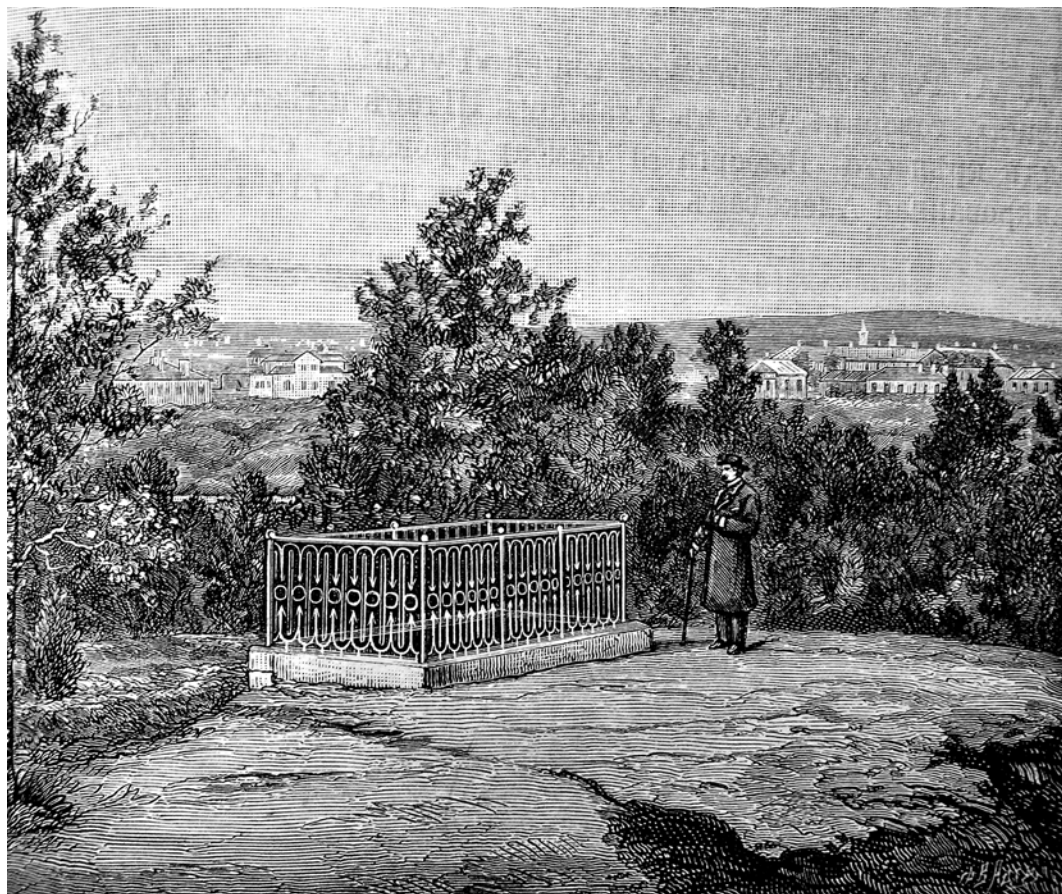
В Самарском крае в XIX в. сохранялось предание, что Петр I, следуя по Волге в Астрахань, поднимался на одну из Жигулевских гор, где собственноручно высек на камне следующие слова: «Шкипер Петр» и дату: «1720». Предание локализует это место: петровская гора находится в нижнем течении Волги, недалеко от Ставрополя (ныне – Тольятти), близ села Моркваши.

Царь действительно бывал в этих местах. Первый раз – во время Азовского похода 1695 г. Вторично Петр посетил низовья Волги спустя 27 лет, когда монарший флот в составе 47 парусных ботов и 400 стругов направлялся в Персидский поход. Неудивительно, что жигулевская легенда оказалась живучей: издатели дореволюционных журналов, путешественники, краеведы, художники – все надеялись отыскать петровскую надпись на *Лысой горе* – так именуется одна из самых высоких Жигулевских гор, якобы освященной стопами Преобразователя России. В поисках «петровых следов» здесь побывали и знаменитости – художники братья Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, а также И. Е. Репин, который, оставив на время своих «бурлаков», совершил восхождение на Лысую гору.

Прежде чем перейти непосредственно к вопросу, мог ли Петр I высечь на приволжских камнях памятную надпись, обратимся к истории Жигулевских гор.

«Истинный Волгар преклоняется перед Жигулями как индус перед Гималаями»¹, – образно заметил автор дореволюционного путеводителя Волге. В самом деле, длинная цепь Жигулевских гор, тянущаяся вдоль реки от Ульяновска до Самары (90 км), в высшей степени живописна. Здесь горы представляют собой утесистые скалы, поросшие густым кустарником и лесом. Вплоть до середины XIX в. эти безлюдные и труднодоступные места служили убежищем для лихой вольницы, жившей тем, что она грабила проходящие по Волге караваны судов. «Разбойники Жигулевские – не приведи Бог с ними встретиться, – рассказывали одному путешественнику местные бурлаки. – Места в Жигулях самые притоманья² для пеших и лихих людей; пусты, лесистые, овражистые; есть, где укрываться на 120 верст нет ни единого жила (то есть жилья. – А. Е.)»³.

Здесь долго сохранялась память о Степане Разине, лагерь которого находился на одном из утесов. Местные жители наделяли знаменитого разбойника сверхъестественными качествами: рассказывали, что часто видели, как Стенька плавал с необычайной быстротой на простой *кошме*⁴, как бы поддерживаемой сверхъестественной силой. Одно из местных поверий гласит, что Разин еще жив; он будто бы до сих пор спит в пещере, и что придет время, когда он проснется...

Ил. 1. Скала в Выборге, с огороженным местом, где по преданию Петр I выбил крест и первую букву своего имени. Гравюра. Из издания: Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 426

Топонимика Жигулевских гор похожа на капсулу времени, бережно хранящую отголоски прошлого: деревни *Ермаково* и *Кольцовка* названы в честь лихого казака Ермака Тимофеевича (впоследствии знаменитого покорителя Сибири) и его удалого сподвижника атамана Ивана Кольцо. Другие топонимы не менее выразительны: *Девичий*, *Царев* и *Стенькины курганы*, *Караульный бугорок*, *Ногайское урочище*, *Рубленое местечко*, *Бурлацкий бечевник* и, наконец, *Петров камень*, он же *Лысая гора*.

Жигулевское предание, связанное с Петром I, фиксируется с 1824 г.⁵, однако насколько оно отвечает реалиям?

Царь действительно любил подниматься на высокие географические точки, откуда открывались пленительные виды. Например, в 1697 г., будучи в Голландии, Петр восходил на прославленную сказками и легендами гору Блоксберг⁶. В 1711 г. – еще одно петровское восхождение: при подъезде к Карлсбаду Петр I поднимался на некую примечательную скалу⁷... Так что 170-метровая конусообразная Лысая гора вполне могла привлечь внимание монарха.

Что же касается «автографа», на наш взгляд, нет ничего необычайного в том, что Петр мог высечь на камне свой вензель или подпись. По крайней мере известно несколько

собственноручных «автографов», оставленных царем во время путешествий. Один из них – в виде надписи на голландском языке: «dat cruys maken Captein Piter van a Cht 1694» («сей крест поставил капитан Петр, в лето Христово 1694 г.») – был вырезан монархом собственноручно на обетном кресте после своего чудесного спасения в Унской губе Белого моря.

Другой «автограф» Петр оставил в 1711 г., когда на подъезде к Карлсбаду пленился местной достопримечательностью – уже упоминаемой крутой скалой. Местное предание сохранило подробности этого восхождения: монарх поднялся на гору верхом, в сопровождении музыкантов. Затем Петр пил за благосостояние Карлсбада, а стакан, согласно преданию, монарх бросил вниз. В знак посещения этого пленительного места, царь водрузил на вершине крест с собственноручной латинской надписью: «M.S.P.I.» («Manu sua Petrus I» – «Меня поставил Петр I»⁸).

Нельзя обойти вниманием и надпись «ПЕТР», оставленную царем в 1716 г. на стене дома, где жил Лютер в голландском городе Виттенберге⁹.

Петровские «автографы» «в камне» также известны. В XIX в. вблизи Выборга показывали крупный «утес», стоящий в том месте, где во время штурма крепости в 1710 г. располагалась ставка адмирала Ф. М. Апраксина. К вершине камня вели выбитые ступени, поднявшись по которым путешественник находил ограждение. Это был своеобразный петровский пантеон, где за перилами просматривались высеченные на камне крест и вензель Петра I¹⁰ (ил. 1).

Еще одну «каменную роспись» царь оставил за несколько дней до посещения Жигулевских гор в том же 1722 г. Находясь с флотом в Казани, Петр узнал, что ниже по реке находятся развалины столицы Волжской Булгарии. Царь не замедлил отправиться туда, где внимательно осмотрел древние руины. Полвека спустя старики селения Болгар с благоговением покажут Екатерине II «автограф» Петра Великого. По преданию, царь вырезал его над входом одного из минаретов. К 1840-м гг. будут приметны только три последние буквы, оставшиеся от начертания имени великого монарха – <ПЕ>**ТРЪ**. Литеры начертаны «довольно крупно и углубленно», отметит очевидец¹¹.

Таким образом, ничто не мешало Петру оставить свой «автограф» и в Жигулевских горах. Впрочем, это могло иметь место только в том случае, если легендарный правитель действительно высаживался у подножия Лысой горы.

Как уже сообщалось, впервые Петр побывал в низовьях Волги в 1695 г. Обратимся же к «Походному журналу» царя за этот год:

«...в 28 день в 8-м часу проехали деревню Морквашу, и против той деревни стали на якоре для погоды; а в 3-м часу якорь вынули и пошли в путь»¹². Итак, из источника следует, что петровская флотилия останавливалась на противоположном от Жигулей берегу и на Лысую гору монарх не поднимался. По крайней мере в документе это событие не отражено.

«Походный журнал» 1722 г., подробно сообщающий о передвижении царских судов по пути в Астрахань, вообще умалчивает об остановках в районе Морквашей¹³. Но тогда возникает вопрос: почему «жигулевскую» надпись связывают именно с Петром I, и что, собственно, высечено на вершине Лысой горы? Чтобы выяснить это, обратимся к тем немногим воспоминаниям очевидцев, которые в XIX–XX вв. посещали Жигули и поднимались на Лысую гору вслед Преобразователю России.

Первое упоминание о царском «автографе» в Жигулевских горах связано с Уральским путешествием Александра I.

В 1824 г. победитель Наполеона отправился на восток страны, где намеревался посетить уральские заводы. Ввиду плохой осенней дороги маршрут был изменен, и путешествие стало речным. От Ставрополя до Самары плавание проходило под конвоем гардкоутов – так именуются малые парусно-гребные суда Каспийской флотилии, предназначенные для охраны судоходства по Волге¹⁴.

По словам очевидцев, Александр любовался Жигулями и живо интересовался местными преданиями. Сопровождавший монарха лейтенант Трубников показал императору вблизи Моркваш одну из самых высоких волжских гор, на которую восходил Петр I «во время низового похода в 1723 году»¹⁵. В примечании лейтенант добавляет: «Утверждают, что сей Великий Государь изволил на одном уступе сея горы вырезать Латинскую подпись; но время истребило сей памятник. По любопытству своему я восходил на оную гору и не нашел ни малейших следов той надписи; но старожилы уверяли меня, что не очень давно была еще видна часть оная [надписи], да и та после обрушилась и разбилась вдребезги падением по другую сторону горы»¹⁶.

К сожалению, Александр I так и не поднялся на Лысую гору, иначе мы имели бы более подробное свидетельство о петровском «автографе». По-видимому, сам Трубников совершил восхождение без проводника. В противном случае ему показали бы некую надпись, которую 14 годами позже пытались прочесть художники Г. Г. и Н. Г. Чернецовы. Во время своего путешествия по Волге в 1838 г. живописцы узнали от проводника, что на вершине Лысой горы есть надпись, оставленная Петром Великим. Поднявшись на гору, они убедились, что надпись существует, однако не смогли ничего разобрать: «...многие литеры истреблены, а которые сохранились, те не имеют своего настоящего вида»¹⁷. Г. Г. и Н. Г. Чернецовы полагали, что предание об участии Петра в создании надписи *верно*, так как трудно представить, что подобную легенду могли выдумать «простодушные жители»¹⁸. По мнению живописцев, Петр заметил эту высокую гору и пожелал осмотреть с нее окрестности. Находясь близ вершины, царь в память своего посещения этих мест высек свое имя. «В самом деле, – пишут Г. Г. и Н. Г. Чернецовы на страницах своего дневника, – отсюда представляется прекрасный вид вверх по Волге; мы, любясь им, думали: он, верно, таков же каким был и во времена Петра! Внизу расстилается прекрасная долина, окруженная с трех сторон горами, с четвертой омываемая водам Волги; в долине – деревня Моркваша, расположенная на прекрасном месте; вдали по Волге виден остров и город Ставрополь. Вид замечательный по своей живописности!»¹⁹.

Художники не ушли с Жигулевских гор с пустыми руками: «Вид с Лысой горы, на которую восходил Петр Великий» – так называется одна из волжских работ Н. Г. Чернецова, ныне входящая в собрание Государственного Русского музея.

В 1845 г. журнал «Иллюстрация» опубликовал рисунок, изображающий мужчину, старательно выбивающего на скале какие-то слова. Подпись под рисунком гласила: «Петр Великий на одной из Жигулевских гор высекает надпись» (ил. 2). Редактор журнала, комментируя изображение, отметил, что его авторы – художники Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, которые несколько лет назад вернулись из путешествия по Волге²⁰.

В том же 1838 г., когда вышеупомянутые живописцы еще находились в своем «вояже», в «Журнале Министерства Внутренних Дел» была опубликована небольшая заметка о пребывании Петра I в Жигулях. Ее автор отметил, что по немногим уцелевшим на скале буквам трудно допустить «древнее (то есть петровское. – А. Е.) происхождение

Ил. 2. Н. Г. и Г. Г. Чернецовы. Петр Великий на одной из Жигулевских гор. 1838 г.
Рисунок. Из издания: Иллюстрация. 1845. Т. 1

надписи»²¹. Далее сообщалось, что по приказанию Симбирского губернатора надпись была скопирована и ныне хранится в его канцелярии. Увы, нам остается только сожалеть о том, что редакция журнала не получила из губернаторской канцелярии копии надписи с Лысой горы: публикация таковой дала бы ответ на многие вопросы.

В 1867 г. один из номеров «Воскресного досуга» был посвящен петровским реликвиям в Нижнем Поволжье. Среди прочих – трости, картуза и астраханского ботика – был назван и «автограф» Петра Великого в Жигулевских горах. Автор заметки уверял, что, хотя петровская надпись почти не сохранилась, дата и имя монарха видны довольно отчетливо²². Других подробностей, увы, не сообщалось.

Любопытное свидетельство о легендарном «автографе» Петра I оставил И. Е. Репин, писавший в 1870 г. в Жигулях этюды к всемирно известным «Бурлакам на Волге». В своих воспоминаниях живописец повествует, как вместе с художником Ф. А. Васильевым они посетили Моркваши, где любовались волжским типом мужиков и баб в уцелевших еще народных костюмах. От мирового судьбы передвижники узнали, что на ближайшей скале Петр Великий собственноручно высек свое имя. «Мы сейчас туда же, – пишет И. Е. Репин. – Здорово вспотели, пока взбирались; воротнички раскисли, сапоги ошаршились... Действительно, надпись была [видна], хотя местами песчаник временем и непогодой сильно выветрился, так что разобрать надпись можно было не без труда»²³.

Увы, художник не пояснил, *что именно* было высечено на скале. Надо полагать, к тому времени, когда Илья Ефимович писал воспоминания, он уже не мог припомнить подробности.

Не лишнее будет отметить, что посещение петровской высоты стало заметной вехой в творчестве И. Е. Репина: «...на Лысой горе я впервые уразумел законы композиции: ее размер и перспективу», – признался художник²⁴. По всей видимости, именно Лысая гора составляла часть композиции первоначального варианта «Бурлаков на Волге». «Тогда „Бурлаки“ были на фоне Жигулей, – рассказывал И. Е. Репин К. И. Чуковскому. – Я Жигули после замазал»²⁵.

Действительно, если посмотреть «Эпюд с баржей на Волге» кисти И. Е. Репина, проданный на аукционе Sotheby's в 2007 г. (собрание Ростроповича – Вишневецкой), справа от группы бурлаков зритель наблюдает выступающий на горизонте сумрачный контур Лысой горы²⁶.

Обратимся же к самому ценному свидетельству, повествующему о легендарной петровской надписи. Оно было опубликовано Д. Н. Садовниковым в 1872 г. в очерке «Жегули и Усолье на Волге».

Д. Н. Садовников, как и его предшественники, узнал о царском «автографе» от проводника, который сообщил, что Петр I вырезал надпись на пути в Персию. Таким образом, народная память связывала происхождение надписи со вторым пришествием царя в низовье Волги в 1722 г.

«Гора, казавшаяся с Волги невысокою, снизу была высокою и крутою, – описывает Д. Н. Садовников свой подъем на вершину. – Проводник проворно шел вперед, советуя идти по тропинке, но последней не оказывалось; под ногами были одни известковые камни, между которыми пробивалась кое-где короткая трава... [Далее] гора пошла еще круче, показалось нечто вроде козьей тропы, направо – крутой обрыв, налево – известковый гребень, отделявший от меня широкий вид на Волгу. Вот недалеко груда каких-то камней.

– Что это? – спросил я проводника, который чего-то напрасно искал.

– Вот это самый Петров камень и есть, – отвечал он, – да я что-то подписи настоящей не могу найти, а она была тут недавно... Много таково было прописано, да видно, нашинские мужики на известку отбили.

На большом сером от времени камне действительно ничего не было видно. Наконец, [мы] нашли одну небольшую *табличку*, по выражению моего спутника. В полуобороте к Волге, при солнечном закате, виднелась какая-то надпись. Довольно крупными латинскими буквами стоял загадочный ряд: *A.-N.-T.-O.-A.-N.-i.*»²⁷.

По слова Д. Н. Садовникова, после странных букв на камне проступала и дата – «1720». «Больше различить не было возможности, – [продолжает путешественник]. – Буквы pokrыла плесень, и самый камень сильно выветрился. Надпись царя Петра исчезла, а [ведь] еще перед самым отъездом в Жегули мне столько толковали о знаменитом *шкун<ере>*, будто бы оставшимся от [надписи] Преобразователя»²⁸.

Д. Н. Садовников был разочарован: проделав утомительный путь к вершине, он увидел на камне не «автограф» великого монарха, а ряд непонятных инициалов. Неудивительно, что путешественник не удержался от едкой реплики в адрес проводника и его односельчан:

«– Что ж это у вас старину-то не берегут? Вот приедет какой-нибудь вроде меня, да и скажет: покажите, мол, мне Петрову надпись, денег за это дам... Что вы ему тогда покажете?»

Ил. 3. Молдавский господарь Дмитрий Кантемир. XVIII в.
Гравюра. Из коллекции Ю. Г. Епатко

– Да недавно видал я слова-то, должно [быть] откололи, – продолжал проводник, – не отвечая прямо на мой вопрос и, как бы досадуя, что больше показывать нечего. – Вон и там слова были, – прибавил он, – указывая на небольшой камень, пониже, – а теперь и там неznать (то есть не видать. – *А. Е.*)»²⁹.

Ответ проводника очень любопытен: из него следует, что на скале был не один петровский «автограф», который Д. Н. Садовников так и не отыскал, – надписей было «много». Что же касается расшифровки латинской надписи – к этому вопросу мы вернемся ниже. Заметим только, что морквашинские жители не могли по своему почину повредить петровскую надпись, так как относились к власти достаточно боязливо. И. Е. Репин в своих записках о посещении Жигулей вспоминает характерный случай, произошедший с ним в селе Ширяево, расположенном в нескольких верстах от Лысой горы... Когда подозрительные крестьяне затребовали у молодого художника паспорт, И. Е. Репин предъявил бумагу из родной академии. Дальнейшее мы узнаем из воспоминаний художника:

«– А это *Печать Императорской Академии Художеств...*, – произнес казенно писарь, поворачивая круг [печати]... Эффект вышел превзошедший все мои желанья. Толпа замерла и попятилась... „*Императорская печать... Императорская печать...* Слышь ты?“ – как-то шуршало в толпе»³⁰.

Словом, трудно представить, чтобы местные жители намеренно сбили петровское «граффити». Наоборот, последние из поколения в поколение рассказывали предание о посещении Петром Лысой горы и с гордостью показывали царский «автограф» любознательным путешественникам.

Ил. 4. Князь Антиох Кантемир. 1792 г.
Гравюра с оригинала Я. Амигони 1735 г.
Из коллекции Ю. Г. Еплатко

К началу XX в. легендарная надпись уже считалась утраченной. В «Путеводителе по Волге» за 1903 г. сообщалось, что петровский камень с датой «1720» уже не существует³¹. Автор другого волжского путеводителя уточнял, что виной тому туристы, которые разобрали весь камень «на память»³².

Любопытно, что в путеводителе назван 1720 год, который, «как говорят», был выбит на скале. Эта же дата приведена в книге А. П. Нечаева «Рассказ о поездке в Жигули», опубликованной в 1911 г.³³ По всей видимости, из-за коррозии камня те очевидцы, которым посчастливилось обнаружить, как они думали, петровский «автограф», принимали цифру 2 за 0 и, таким образом, 1722 год «превратился» в 1720-й. К сожалению, никаких сведений о состоянии надписи А. П. Нечаев не приводит: это свидетельствует о том, что к началу XX в. загадочный «автограф» уже не читался.

Подводя итог свидетельствам очевидцев, приходится признать, что кроме публикации А. Д. Садовникова мы не имеем никаких документальных свидетельств о надписи на Лысой горе. Напомним, что в очерке «Жегули и Усолье на Волге» (1872) последний привел ряд непонятных букв, выбитых на скале. Приведем их снова: «А.-N.-Г.-О.-А.-N.-i.» и дата – «1720». Надпись явно не соответствует легендарному петровскому «автографу» с упоминанием «Шкипера Петра». И все же есть все основания предполагать, что эти странные на первый взгляд литеры действительно относятся к петровскому времени: они могли появиться во время Персидского похода 1722 г., когда царский флот, перевозивший войско, спускался по Волге к Астрахани. Известно, что в Каспийской кампании принимал участие бывший молдавский господарь Дмитрий Кантемир, назначенный

накануне экспедиции тайным советником и сенатором (ил. 3). На одном из стругов соратник Петра по Прутскому походу организовал типографию, где на пути в Астрахань печатались царские манифесты на татарском, турецком и персидском языках³⁴.

Вместе с Д. Кантемиром в персидский поход отправился и его четырнадцатилетний сын Антиох (1708–1744), будущий дипломат, поэт, родоначальник сатирического направления в русской литературе, автор первой (к сожалению, незаконченной) поэмы о Петербурге «Петрида» (1730) (ил. 4). Мы полагаем, что загадочные литеры, виденные А. Д. Садовником, – «A.-N.-T.-O.-A.-N.-i. 1720», представляют собой три первые буквы имени Антиох и, собственно, год (anno) «1722», который с учетом плохой сохранности последней цифры читался как 1720-й. Ниже представлена расшифровка этой надписи:

ANT<IOH> AN<NO> 1722.

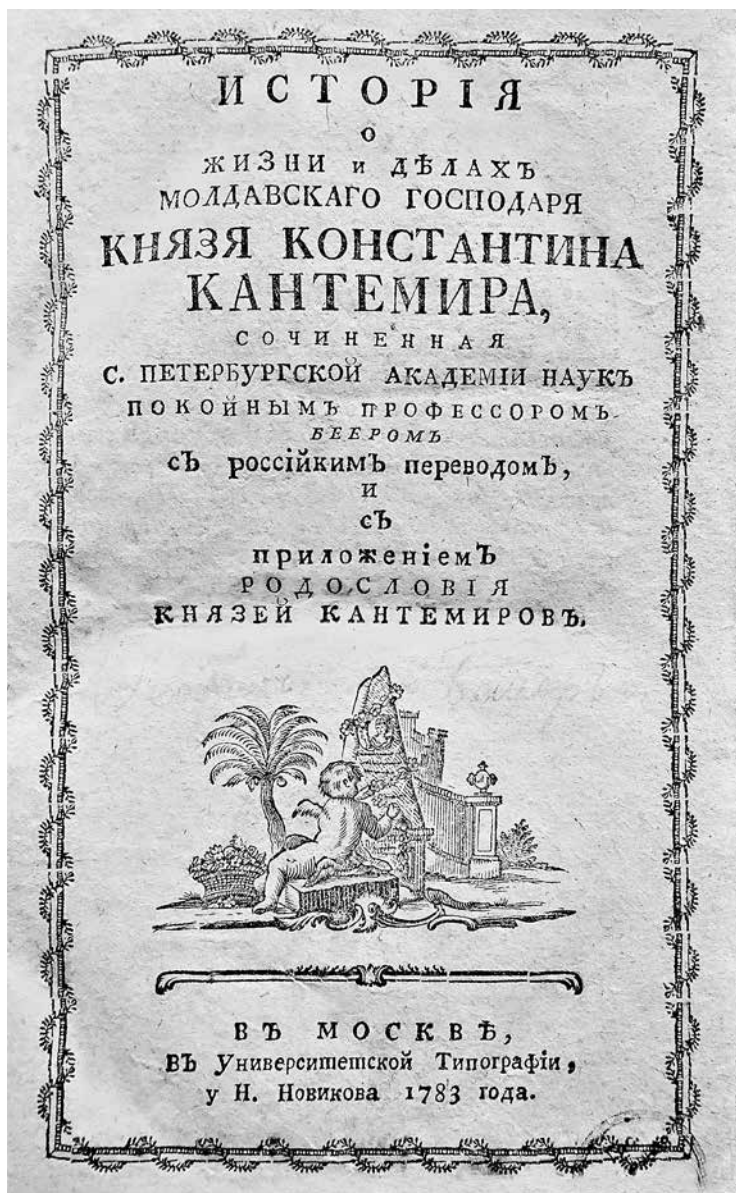
«Антиох. Год 1722» – так, по нашему мнению, читается эта латинская надпись, высеченная на Лысой горе сыном Дмитрия Кантемира. Вероятно, ее и принимали за петровский «автограф».

В подкреплении нашей версии обратимся к труду Г. З. Байера «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира» (ил. 5). Книга посвящена старшему сыну Дмитрия – Константину. В ней опубликованы выдержки из дневника князя Дмитрия, относящиеся к Персидскому походу. Запись за 11 июня 1722 г. сообщает, что князь «приехал под село Мориваши (Моркваши. – А. Е.) [и], не доезжая до Самары 40 верст, увидел большую гору, называемую *Лысую*; взошел на оную, [и] вырезал на камне имя свое и год»³⁵.

Из этого источника мы узнаём, что царский флот останавливался у Лысой горы, куда Кантемиры не замедлили подняться. Молодой Антиох, по нашему предположению, выбил на вершине свое имя, а князь Дмитрий находился рядом. Отсюда и описка в журнале: «автограф» принадлежит не молдавскому господарю, а его сыну-подростку Антиоху, который таким образом увековечил свое пребывание в Жигулях.

Итак, если предположить, что надпись, скопированная Д. Н. Садовниковым, принадлежит Антиоху Кантемиру, тогда возникает закономерный вопрос: почему местное предание устойчиво связывало ее с Петром I, якобы высекшим на вершине Лысой горы легендарное «Шкипер Петр»? Именно эти слова, как мы помним, искал на «петровом» камне Д. Н. Садовников. Да и другие путешественники, включая И. Е. Репина и братьев Г. Г. и Н. Г. Чернецовых, были слышаны от проводников о петровском «автографе».

Вероятно, ключ к этой проблеме содержится в сообщении проводника Д. Н. Садовникова, который, бродя по вершине Лысой горы, заметил, что еще недавно надписей было «много». По всей видимости, ко времени посещения Д. Н. Садовниковым Жигулей надпись Кантемира была единственная, которую можно было различить. Остальные «автографы», в том числе и легендарный петровский, исчезли в силу непрочности камня. Нельзя забывать, что на местный камень помимо естественной эрозии в значительность степени влияет степень выветренности. Это довольно существенно, особенно если учесть, что вершина Лысой горы вздымается на 170 метров. Напомню, что было еще одно объяснение исчезновения петровской надписи: в 1824 г. сопровождавшему Александру I лейтенанту Трубникову жители Моркваш рассказали, что камень

Ил. 5. Байер Г. З. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783. Титульный лист

с царским «автографом» – уже частично поврежденным – сорвался с горы незадолго до этого, унеся, таким образом, тайну Петровой надписи.

Впрочем, нельзя исключать, что традиция оставлять «автографы» на Лысой горе имеет давнюю историю. Подобный обычай, между прочим, существовал в соседнем Болгаре, где путешественники, среди которых был и Петр I, увековечивали свои имена на руинах древнего города. «Стены [болгарских] минаретов можно принять за мозаичные, – писал один из очевидцев в середине XIX в., – так испещрены они разноязычными

надписями и именами любопытных посетителей; но ревнивое время и здесь внесло свои вечные права: многие надписи уже изгладились совершенно»³⁶.

Итак, на вопрос: «Мог ли Петр выбить на вершине Лысой горы свое имя?» – мы отвечаем положительно: журнал Д. Кантемира свидетельствует, что 11 июня 1722 г. царские суда останавливались у Моркваш. Судя по всему, это была длительная остановка. На эту мысль нас наводит тот факт, что участники похода не только имели достаточно времени, чтобы взойти на гору, но и успели высечь «автограф». Однако в памяти местного населения остался факт подъема на вершину лишь Петра Великого, который в знак посещения этого места высек свое имя и год. Впрочем, это вполне объяснимо: где бы не появлялся царь, внимание простолудинов было приковано только к его высочайшей персоне.

Схожая ситуация была в том же Персидском походе, в Болгаре, где, надо полагать, многие из царской свиты увековечили свои имена на развалинах бывшего волжского царства. Однако спустя полвека местные жители показывали Екатерине II лишь петровский «автограф». С другой стороны, если монарх оставил свою «подпись» на минарете древнего Болгара, что могло помешать ему сделать то же самое и на Лысой горе? Тем более трудно представить, чтобы любознательный царь не нашел время для подъема на главную доминанту Жигулей, учитывая длительность стоянки у Моркваш. А если учесть, что на гору поднимались Кантемиры, то становится ясным: народная память крепка; царь действительно увековечил себя в Жигулевских горах. И этому были очевидцы: документы свидетельствуют, что в походе 1722 г. по Волге в качестве гребцов на царских стругах привлекались местные крестьяне, которые менялись каждые 50–60 верст³⁷. Таким образом, местные волжане стали свидетелями восхождения на Лысую гору Петра I. Именно они и поведали своим детям, а те в свою очередь своим – как легендарный монарх выбил свое имя и дату посещения на камне. Впрочем – и это приходится с сожалением признавать – «автограф» «Шкипера Петра» давно и безвозвратно потерян...

¹ Иллюстрированный путеводитель по Волге. Казань, 1907. С. 81.

² То есть *удобные*.

³ Корнилов П. Волжские бурлаки // Морской сборник. № 7. СПб., 1862. С. 34.

⁴ Кошма – войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

⁵ Грубников Д. П. Путешествие блаженной и вечной памяти Государя Императора Александра I по Волге... // Отечественные записки. Ч. 25. № 69. СПб., 1826. С. 385.

⁶ Петр I в Голландии и Англии. Т. 19. СПб., 1832. С. 319.

⁷ Брикнер А. Г. Путешествия Петра Великого за границу // Русский вестник. Т. 150. М., 1880. С. 22.

⁸ Иногда исследователи расшифровывают надпись как «Меня поставил Петр Император», что, разумеется, неверно, так как в 1711 г. Петр не носил императорский титул.

⁹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л., 1990. С. 78.

¹⁰ Болжеринов П. Н. Выборгская старина // Исторический вестник. Т. 22. СПб., 1885. С. 426.

¹¹ Кавелин А. Болгара // Иллюстрация. 1846. № 4. С. 53.

¹² Соболевский С. А. Юрнaлы и камер-фурьерские журналы 1695–1774 годов (Журнал 1696 г.). М., 1867. С. 8.

¹³ Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 41.

¹⁴ Именно после этого высочайшего путешествия было издано положение комитета министров «О мерах к прекращению разбоев по нижней части реки Волги».

¹⁵ Грубников Д. П. Путешествие блаженной и вечной памяти Государя Императора Александра I по Волге... (Грубников ошибается: Петр посетил Жигули в 1722 г.).

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Чернецовы Г. Г., Н. Г. Путешествие по Волге. М., 1970. С. 108.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 109. (В настоящее время Лысая гора находится на территории Жигулевского лесничества. На ее вершине устроена смотровая площадка, откуда открывается вид на Жигулевскую ГЭС и Комсомольский район города Тольятти.)
- ²⁰ Кужальник Н. В. Путешествие по всей России. Исторические заметки // Иллюстрация. 1845. № 30. С. 469.
- ²¹ Жигулевские горы. [Из письма к управляющему редакцией ЖМВД] // ЖМВД. 1838. Ч. 27. С. 75.
- ²² Памятная поездка Петра I по Волге // Воскресный досуг. 1867. № 207. С. 111.
- ²³ Репин И. Е. Из времен моей картины «Бурлаки на Волге» // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 201.
- ²⁴ Там же. С. 209.
- ²⁵ Чуковский К. И. Дневник, 1901–1921. М., 2018. С. 193.
- ²⁶ The Rostropovich–Vishnevskaya Collection. London. Tuesday 18 September 2007–Wednesday 19 September 2007. London. 2008. P. 312
- (lot № 207 «Плыя Repin. Study for barge halers on the Volga»).
- ²⁷ Садовников А. Н. Жегули и Усолье на Волге // Беседа. 1872. № 12. С. 52.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Репин И. Е. Из времен моей картины «Бурлаки на Волге». С. 207.
- ³¹ Безчинский А. Путеводитель по Волге. М., 1903. С. 252.
- ³² Волга. Новейший путеводитель. Казань, 1908. С. 44.
- ³³ Нечаев А. П. 5 дней в лодке. Рассказ о поездке в Жигули. СПб., 1911. С. 34.
- ³⁴ Плавание по Волге проходило на плоскодонных судах: именно это обстоятельство позволило разместить на галере типографский станок, а отсутствие качки обеспечило бесперебойную работу типографии.
- ³⁵ Байер Г. З. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783. С. 129.
- ³⁶ Кавелин А. Болгара.
- ³⁷ Иванов А. В. Первое мемориальное судно Москвы. Галера струт москворецкий // Меншиковские чтения – 2016 : науч. альманах. Вып. 7 (17). СПб., 2016. С. 107.